

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

ГЕНЕРАЛ
БИЧЕРАХОВ

И ЕГО
КАВКАЗСКАЯ
АРМИЯ
1917—1919

Россия забытая и неизвестная

Алексей Безугольный

**Генерал Бичерахов и его
Кавказская армия. Неизвестные
страницы истории Гражданской
войны и интервенции
на Кавказе. 1917–1919**

«Центрполиграф»

2011

Безугольный А. Ю.

Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919 / А. Ю. Безугольный — «Центрполиграф», 2011 — (Россия забытая и неизвестная)

Монография кандидата исторических наук А.Ю. Безугольного посвящена почти неизученной странице истории Гражданской войны на Кавказе – военной и политической деятельности генерала Лазаря Федоровича Бичерахова. Это первое научное исследование короткой, но очень яркой истории стремительного восхождения Л.Ф. Бичерахова на арене Гражданской войны и столь же стремительного его падения. Он был обойден и советской и эмигрантской историографией: первые обходились хлестким жупелом «бичераховщина», вкладывая в него все демонические черты контрреволюции; у вторых он прослыл «красным» за короткий период сотрудничества с Бакинской коммуной, руководимой С.Г. Шаумяном. Между тем роль и значение Л.Ф. Бичерахова и его партизанского отряда, развернутого осенью 1918 г. в Кавказскую армию на обширных территориях Северного Ирана, Азербайджана, Дагестана, Терека, в 1918 г. и начале 1919 г. были очень значительны. Его власть в прикаспийских землях была признана Временным Всероссийским правительством в Омске (предшественником колчаковского правительства). На первых этапах развития Добровольческого движения на Юге России Бичерахов составлял ему реальную конкуренцию. История бичераховского движения – неотъемлемая составная часть истории гражданского противостояния в России.

© Безугольный А. Ю., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

От автора	6
Предисловие	9
Осколок несуществующей армии	16
Ничья земля	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Юрьевич Безугольный Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919

Посвящаю сыну Олегу

*Как мы исполнили свой долг – скажет история.
Л.Ф. Бичерахов*

От автора

«В вихре страстей разных изданий от периода Бичерахова осталось пустое место», – написал еще в 1930-х гг. соратник Лазаря Федоровича Бичерахова Б.В. Никитин. Спустя восемь десятков лет мало что изменилось. Имя одного из ярких и самобытных персонажей Гражданской войны в России остается в полном забвении. А те штампы, что кочуют из книги в книгу и по сей день, лучше бы и не появлялись на свет вовсе, поскольку порочат Бичерахова необоснованно, незаслуженно и несправедливо, что не достойно памяти любого человека, а памяти человека, оставившего след в истории Отечества, – особенно.

Замысел этой монографии родился случайно. Работая в архивах над совершенно другой темой из истории Гражданской войны на Кавказе, я то там, то здесь наталкивался на имя Лазаря Бичерахова. Первые, касательные знакомства с его судьбой и деятельностью вызывали прежде всего чувство удивления: необычными поступками, неординарным складом ума, широким благородством и щедростью и в то же время совершенным забвением этой фигуры в историографии Гражданской войны. Приняв решение написать биографию Л.Ф. Бичерахова и углубившись в архивный и мемуарный материал, связанный с его именем, я лишь убеждался в верности своих первых впечатлений.

Советская историческая наука обходилась хлестким жупелом «бичераховщина», имея в виду заодно и политическую деятельность его родного брата Георгия, возглавившего в 1918 г. антибольшевистское политическое движение казаков в Терской области. В термин «бичераховщина» вкладывался только негативный смысл, реакционная и «контрреволюционная» деятельность, не достойная ни одного доброго слова. Сотрудничество войскового старшины Л. Бичерахова с большевистским Бакинским совнаркомом в последние недели его существования в июле 1918 г. стало удобным поводом для списания на него краха большевиков в этом важнейшем нефтедобывающем и промышленном регионе. В то же время связь с Бакинской коммуной во многом стала причиной того, что Бичерахов не был принят ни Белым движением, ни белоэмигрантской средой, ни зарубежной русской историографией – здесь он прослыл «красным».

Между тем исторический масштаб деятельности Бичерахова и подчиненных ему войск (партизанского отряда, позднее развернутого в Кавказскую армию и флот) в первый период Гражданской войны (1918 – начало 1919 г.) на обширных территориях Северного Ирана, Восточного Кавказа и Закаспия – в Азербайджане, Дагестане, на Тереке и в Закаспийской области – исключительно велик. На некоторое время он стал фактическим правителем обширных прикаспийских территорий, был признан в этом качестве Временным Всероссийским правительством (прообразом будущего колчаковского правительства) и непрерывно расширял сферу

своего влияния. На ранних этапах развития Добровольческого движения на Юге России под предводительством генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина Л.Ф. Бичерахов составлял им реальную конкуренцию на антибольшевистском фронте.

В настоящей книге на обширном архивном материале, в том числе и на впервые вводимых в научный оборот документах фонда отряда Бичерахова, а также большого пласта современной событиям прессы, мемуарной литературы, дневников, писем свидетелей эпохи, принята попытка реконструировать жизненный путь Лазаря Бичерахова и оценить роль его партизанского отряда (Кавказской армии и флота) в Гражданской войне в Баку, Дагестане и на Тереке в 1918 г.

Не стоит удивляться тому, что ставится вопрос об исторической роли в Гражданской войне командира «какого-то» отряда. Нужно помнить, что в тех условиях, особенно в первый, самый сложный период гражданского противостояния в России, любая воинская часть, сохранявшая организованность и воинский облик, могла претендовать на важную историческую роль. Как не вспомнить, что Добровольческая армия времен 1-го Кубанского (Ледяного) похода представляла собой лишь небольшой отряд. Стойкость, упорство и высокий моральный дух горстки добровольцев способствовали притоку в их ряды новых и новых контингентов, усилению союзнической помощи и развертыванию в последующем многотысячной боеспособной армии.

Герой этой книги принадлежит к многочисленной плеяде военачальников Гражданской войны, вышедших из небогатых дворянских, казачьих семей или социальных низов. В.Л. Покровский и СМ Буденный, А.Г. Шкуро и Ф.К. Миронов, Р.ф. Унгерн и М.Н. Тухачевский, А.Н. Гришин-Алмазов и Б.М. Думенко. Ряд сопоставлений можно продолжать долго. Вчерашние подполковники, поручики, вахмистры и просто «нижние чины» становились командующими фронтами и армиями, народными комиссарами и военными министрами. Гражданская война вбрасывала их в свой стремительный круговорот, заменявший им годы университетов и военных академий.

История сама находила и выдвигала таких людей, способных в короткий срок мобилизоваться и в сложной обстановке найти свой путь, часто неверный и гибельный, но свой. Взять на себя ответственность и повести за собой людей. Сами себя они к такой роли совсем не готовили. Лазарь Бичерахов еще до мировой войны, в мирное для Российской империи время, служа в Персии, был неоднократно ранен, стал инвалидом и совсем еще молодым человеком в невысоком чине ушел на пенсию – «залечивать старые раны». С началом войны он вновь оказался в строю. Командуя в 1917 г. партизанским отрядом в бесконечно далекой от главных театров военных действий Персии, Бичерахов совсем не мог предполагать ни того, что через несколько месяцев окажется главнокомандующим Кавказской армией и флотом, главой правительства Кавказско-Каспийского союза, ни того, что в один момент потеряет все, что было создано его руками.

То, что Бичерахов не стал в конечном итоге известным персонажем истории Гражданской войны (а в разное время он имел шансы стать как красным, так и белым вождем) и рано, еще в начале 1919 г., покинул Россию – следствие стечения объективных и субъективных обстоятельств, нисколько не извиняет наше полное незнание о нем. Сам он вполне понимал изменчивость собственной судьбы в то изменчивое для его родины время. В одном из писем генералу А.И. Деникину он пророчески писал: «Вначале благодаря случайности у меня был отряд, затем случайно я собрал армию, затем случайно присоединился ко мне флот. И такая же простая случайность все смоеет из моих рук, и я останусь без единого солдата»¹.

Далее, дабы быть более убедительным, считаю нужным перейти к научному повествованию.

Выражаю искреннюю благодарность своим коллегам по Научно-исследовательскому институту (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, оказавшим цен-

ную помощь советами и рекомендациями при написании этой книги: В.В. Ионову, В.И. Жуматию, В.А. Авдееву, С.А. Иванову, Д.Г. Мартиросяну, а также сотрудникам Института востоковедения РАН А.К. Аликберову, А.Ю. Скакову и художнику издательства «Центрполиграф» Ю.Г. Клименко.

Предисловие

Братья Лазарь и Георгий Бичераховы упоминаются в специальной литературе по истории Гражданской войны на Северном Кавказе и в Закавказье часто. Однако подбор и интерпретация фактов, связанных с их военно-политической деятельностью, получившей нарицательное имя «бичераховщина», совершенно неудовлетворительны и не отвечают требованиям исторического исследования. Сказанное касается не только популярной публицистической литературы, но и научных трудов, претендующих на широкий охват темы и глубину выводов.

В советской литературе трактовка «бичераховщины» сложилась еще в историографии сталинского периода в 1930-х гг. и с тех пор не претерпела серьезных изменений. Лазарь Бичерахов – полковник (подполковник, войсковой старшина, генерал-майор – в его чине советские историки так и не разобрались) царской армии, английский наймит, поступивший на службу англичанам в Персии, добровольно присоединившийся к войскам Бакинской коммуны, а затем предавший ее по наущению англичан. В последующем Л. Бичерахов – душитель революции в Дагестане и на Тереке. Его брат Георгий – меньшевик, лидер контрреволюционного казачьего движения на Тереке.

Более полного раскрытия темы контрреволюции в советской историографии не требовалось. Готовый набор негативных ярлыков тем более делал излишним внимание к личности «контрреволюционера» Бичерахова. Отсюда полное пренебрежение любыми биографическими деталями: военными чинами, служебной карьерой и другими жизненными вехами. Понятно, что его ценности, взгляды, идеи при таком подходе вообще не могли стать предметом научного интереса. «Бичераховщина» выродилась в жупел, фигуру речи, обрамляющую и оправдывающую революционную борьбу большевиков на Кавказе.

Справедливости ради надо сказать, что если бы кто-то из историков и проявил интерес к личности Лазаря Бичерахова, то наверняка натолкнулся бы на стену секретности и цензуры, которой весь советский период были «защищены» архивные источники по теме (фонды отряда Бичерахова, ВСЮР, русских экспедиционных войск в Персии, казачьих органов власти на Тереке, партийно-советских органов Баку, Дагестана, Терека).

Традиция упоминать о бичераховщине мимоходом, не предпринимая усилий разобраться в сущности этого явления, в полной мере сохранилась и в новейшей литературе. Что можно узнать о нем в новейших академических изданиях по тематике Гражданской войны на Кавказе? В материалах научной конференции, посвященной дагестанскому революционному и государственному деятелю Д. Коркмасову, Л.Ф. Бичерахов безапелляционно назван «английским ставленником»². В работе С.М. Исхакова «Российские мусульмане и революция» отряд Бичерахова назван «белоказачьим»³, хотя к Белому движению он не относился, да и термин такой в начале Гражданской войны еще не употреблялся. Для защитившего в 2008 г. докторскую диссертацию о дагестанском политическом и религиозном деятеле Н. Гоцинском М.М. Доного политическая позиция Л.Ф. Бичерахова (в частности, в отношении Дагестана) осталась полной загадкой⁴. А в фундаментальной монографии В.Л. Гениса о революционном движении в Персии в конце 1910-х – начале 1920-х гг. перепутаны инициалы Бичерахова⁵.

Между тем, как представляется, игнорирование этой фигуры приводит к искаженному пониманию многих событий Гражданской войны на Кавказе, таких как падение Бакинской коммуны, казачье восстание на Тереке второй половины 1918 г., революционные процессы в Дагестане, турецкая оккупация Азербайджана и Дагестана, история интервенции в регионе и т. д.

В последние годы появляются первые биографии Л.Ф. Бичерахова⁶, авторами которых являются прежде всего региональные историки, что отражает общий подъем краеведческой

науки и интенсивный процесс национальной самоидентификации, сопровождающийся поиском знаковых фигур в национальной истории. Как всегда в начале пути, научный уровень таких работ не высок, они компилятивны и публицистичны. Зачаточный научно-справочный аппарат не позволяет оценить источниковую базу, а значит, и объективность таких работ.

Первая и, пожалуй, единственная на сегодняшний день действительно научная работа была опубликована в 2005 г. в Нумизматическом сборнике Государственного исторического музея. В своей небольшой (0,5 авторского листа) статье «Бичераховские награждения (К вопросу о наградной политике генерала А.И. Деникина)» А.С. Кручинин вышел далеко за рамки заявленной темы, сделав ряд существенных выводов о масштабах, политической эволюции бичераховского движения в Гражданской войне и о личных качествах и моральном облике и мотивации самого Л.Ф. Бичерахова. Собственно «наградная» часть статьи А.С. Кручинина значительно слабее, вследствие того что автор недостаточно полно изучил архивный материал, а с мемуарным наследием по теме знаком лишь касательно. Например, очень осторожно высказанное предположение о том, что «Бичерахов жаловал офицерам и Георгиевские награды, но это вопрос очень спорный...»⁷, на деле подтверждается десятками страниц поименных списков георгиевских кавалеров, сохранившихся в фонде отряда Бичерахова в РГВА и доступных любому желающему. А заявленное в подзаголовке статьи уточнение деникинской наградной системы и вовсе не раскрыто.

В настоящее время в связи с фактически исчерпывающей доступностью источников по истории Гражданской войны (в том числе прежде закрытых архивных материалов, опубликованного и рукописного наследия Русского зарубежья) появляется возможность достаточно полно реконструировать биографию нашего героя. По архивным данным и весьма многочисленным свидетельствам современников с большой точностью можно отследить жизненный путь Л.Ф. Бичерахова в самые главные годы его жизни и в переломную для нашей страны эпоху – период Первой мировой и Гражданской войн. Но его жизненный путь до и после указанного периода реконструируется лишь по очень ограниченному кругу источников.

Сразу оговоримся, что сам Лазарь Бичерахов, несмотря на то что прожил в эмиграции долгую жизнь, к сожалению, не пожелал взяться за перо и оставить потомкам собственную версию своих походов, порой похожих на сюжет приключенческого фильма. Об этом можно лишь сожалеть, поскольку, судя по многочисленным документам, написанным его рукой (заметьте, красивым, стремительным почерком и весьма грамотно), хранящимся ныне в Российском государственном военном архиве, автор обладал острым умом, четким слогом и хорошими литературными задатками, хотя и не имел столь блестящего общего образования, которым щеголяли многие офицеры Русской императорской армии. Думается, что неожиданный и полный крах, который Л.Ф. Бичерахов потерпел в начале 1919 г. – и не на поле боя, а от союзников-англичан и добровольцев, – вселил в него желание забыть и не вспоминать более своего участия в Гражданской войне. Что мог он описать в своей книге: как много раз протягивал руку помощи то одним, то другим силам, ведущим борьбу с большевиками, они высокомерно эту помощь принимали, а затем без тени сомнения разрушили его детище – Кавказскую армию и флотилию, именовавшуюся современниками «флотом»? Сводить счеты на страницах мемуаров Бичерахов, очевидно, посчитал для себя недостойным. Возможно, по этой причине он не принимал участия и в деятельности многочисленных эмигрантских офицерских организаций, а предпочел тихую жизнь частного человека.

Отсутствие у главного героя книги мемуарного наследия или воспоминаний, зафиксированных в иной форме, кроме двух малозначительных интервью¹, несколько компенсировали

¹ Первое из них было дано автору-составителю солидного по составу участников и объему сборника «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества», изданного в Париже в 1928 г. генерал-лейтенантом А.П. Богачевским. Интервью Бичерахова лишнее раз оттенило его эмигрантскую неприкаянность и неосведомленность о текущей жизни Русского зарубежья. Сформулировав в своем довольно пространным (с. 86–94) интервью идею «федеративного сожительства»

изыскания первого его биографа – русского офицера-артиллериста Б.М. Кузнецова, присоединившегося к бичераховскому отряду в Дагестане в 1918 г., а в эмиграции тесно общавшегося с ним в течение нескольких лет. В числе других русских офицеров, составлявших остатки гарнизона крепости Хунзах, летом 1918 г. он оказался пленником прибывших в Дагестан турок. Бичерахов стал для него избавителем, и благодарность об этом Кузнецов пронес через всю жизнь. Позднее он собрал биографические данные о Бичерахове у его жены, однокашников по военному училищу, присовокупил к ним собственные наблюдения и скупые откровения самого Л.Ф. Бичерахова (именно скупые: «Встречаясь с ним ежедневно, я не мог добиться от него откровенности о прошлом», – сетовал Кузнецов⁸). Все собранное им вылилось в небольшой очерк о Бичерахове, изданный в Нью-Йорке в 1959 г. и ставший в нашей стране чрезвычайной библиографической редкостью⁹. За неимением иных источников, биографы Бичерахова XXI в. вынуждены воспроизводить его буквально дословно, иногда почему-то выдавая это за результаты своих разысканий¹⁰ и обильно разбавляя их собственными домыслами¹¹.

Дополнить данные о Бичерахове, относящиеся к его довоенной молодости и периоду эмиграции, приведенные Б.М. Кузнецовым, действительно сложно. Скрупулезный архивный поиск в центральных архивах Российской Федерации дал лишь случайные находки: несколько писем его однокурсника Льва Жиромского, оказавшегося в 1918 г. в положении просителя и использовавшего теплые юношеские воспоминания, чтобы растопить сердце всемогущего тогда вождя Кавказской армии¹². Удалось обнаружить и краткую автобиографию, написанную самим Бичераховым в феврале 1919 г., незадолго перед отъездом из страны¹³. Эти и некоторые другие архивные материалы дополняют и уточняют сведения, собранные Б.М. Кузнецовым. Нельзя не сказать о том, что пока не удалось обнаружить послужной список Л.Ф. Бичерахова, позволивший бы уточнить многие вехи его биографии, чинопроизводство и награждения. В фондах послужных списков (фонд 409) и штаба Кавказского военного округа (фонд 1300) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) он отсутствует. Возможно, послужной список «белогвардейца» и эмигранта Бичерахова был изъят советскими специальными органами для какой-то оперативной работы.

Что касается самого важного периода в жизни Лазаря Бичерахова – времени Гражданской войны, – он документирован хорошо, хотя материал о герое этой книги приходится искать в самых разнообразных источниках.

Первый и главный среди них – фонд отряда Бичерахова, поступивший после расформирования его Кавказской армии в начале 1919 г. в делопроизводство Вооруженных сил Юга

России (ВСЮР), а затем отложившийся в знаменитом Пражском архиве (Русском заграничном историческом архиве). Ныне он хранится в Российском государственном военном архиве (фонд 39779). Фонд отряда Бичерахова представляет собой редкий случай почти полной сохранности документации воинской части, относимой к «белогвардейским» (хотя бичераховское движение, строго говоря, не являлось таковым). В пылу сражений, разгромов и драматических отступлений белые войска потеряли значительную часть своей документации. Нормальной является ситуация, когда фонды большинства белогвардейских отрядов, полков, дивизий, корпусов и даже армий, находящиеся на хранении в РГВА, насчитывают от нескольких единиц до нескольких десятков единиц хранения. Да и само делопроизводство в период Гражданской войны велось далеко не идеально.

казачества с Россией, Бичерахов как бы дезавуировал собственные размышления такой сентенцией: «Я позволил себе высказать свои взгляды, но я должен предупредить, что я оторван от казачества, живущего в условиях СССР... Я не знаю и устремлений зарубежного казачества... Я не могу сказать, идет ли казачество к славному будущему или, отводится в историю» (с. 94). Второе интервью Л.Ф. Бичерахова было дано издателю военно-исторического журнала «Часовой» Е.В. Тарусскому в 1934 г., в котором он рассказывал, впрочем, не о себе, а о ставшем к тому времени большой знаменитостью в Европе в качестве балетного импресарио ротмистре В.Г. Воскресенском – бывшем своем подчиненном (*Тарусский Е.* Славный путь: Генерал Бичерахов о В.Г. де Базиле // Часовой. Париж. 1934. № 135–136. С. 29–31).

В этой связи 234 дела бичераховского отряда, сгруппированные в три описи, – случай, несомненно, уникальный, и обязаны ему историки тем, что длительное время отряд не испытывал финансовых затруднений и имел возможность вести делопроизводство в полном объеме. В фонде содержатся сведения о боевой численности отряда, боевом пути, его финансировании. Имеется обширная переписка Бичерахова с его братом Георгием, лидерами Добровольческого движения, Временного Всероссийского правительства и т. д. Имеется и определенный комплекс личных документов Лазаря Бичерахова, в том числе и крайне любопытный блокнот его «памятных заметок» – лаконичных записей, сохранивший процесс размышлений и принятия решений.

Кроме фонда отряда Бичерахова, важное значение имеют документы Добровольческой армии, в той или иной степени отражающие контакты добровольцев с Бичераховым, оценки состояния его отряда (Кавказской армии и флотилии) и проч. (фонды 40308, 39540 и др.). Кроме того, в работе использованы материалы советского происхождения, в которых Бичерахов представлен и союзником и противником большевиков (фонды 1, 2, 108, 25895).

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) особый интерес представляют обширные материалы государственной исторической комиссии по подготовке многотомной «Истории Гражданской войны в СССР», отложившиеся в фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (фонд 71). В 1930-х гг. сотрудниками ведущих научно-исторических учреждений была сделана огромная работа по выявлению и систематизации архивных документов, сбору полевого материала (интервью и письменных воспоминаний участников событий – как большевиков, так и их противников), поиску иммигрантских воспоминаний и переводу книг интервентов об их участии в Гражданской войне. Лишь малая толика этих материалов после жесткого сита цензуры была использована в первых томах фундаментального труда, а публикация самого труда из-за внутренних и внешних потрясений, произошедших с нашей страной в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг., так и не была закончена. В описях 34 и 35 указанного фонда содержится обширный материал по истории Гражданской войны в Закавказье и в юго-восточной части Северного Кавказа в 1918 г., в которой не последнюю роль играл Л.Ф. Бичерахов. Особенно интересны личные наблюдения о нем ряда британских и французских генералов. В фонде содержатся переводы мемуаров П. Сайкса, Ф. Дж. Ф. Френча, У. Маршалла, изданные ими в первые годы после окончания мировой войны. Большой массив документов относится к Гражданской войне в Дагестане.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) особую ценность для разработки темы представляет фонд рукописей представителей Русского зарубежья (фонд 5881), в котором отложились рукописи по истории Гражданской войны на Тереке, в Дагестане, в Закавказье. В составе фондов Русского зарубежного исторического архива в Праге после окончания Великой Отечественной войны они были вывезены в СССР. Наиболее интересны среди них воспоминания члена войскового правительства Терского казачьего войска Д.С. Писаренко, казачьих офицеров Г.С. Хутиева, Б. Нартова и ряда других, в которых подробно показана роль братьев Бичераховых в бурных событиях 1918 г. в Терской области.

В ГАРФ также изучены фонды белых правительств на Юге России и на востоке страны (фонды 439 и 180), с которыми Бичерахов имел отношения как руководитель созданного и возглавляемого им государственного образования – Кавказско-Каспийского союза (прежде всего имеются в виду его контакты с Временным Всероссийским правительством в Уфе, признавшим верховную власть Бичерахова в Кавказско-Каспийском регионе).

Кроме архивного материала в работе использовались опубликованные документы. В советский период, особенно в годы «оттепели», был издан целый ряд добротных сборников, в которых в той или иной мере освещался и интересующий нас вопрос. Это общие сборники по истории Гражданской войны (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сборник документов. Т. 1–4. М., 1971–1978; Из истории Гражданской войны в

СССР. 1918–1922. В 3 т. М., 1957–1961), а также региональные издания (Борьба за установление и упрочение советской власти в Дагестане. 1917–1921 гг. Махачкала, 1958; Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, 1917–1918 гг. Баку, 1957). Чрезвычайно важны для понимания тенденций развития революционного процесса на Тереке материалы съездов трудовых народов Терека, которых в течение 1918 г. состоялось пять. Особенно ценен сборник стенограмм, в которых деятельное участие от фракции казаков принимал Г.Ф. Бичерахов. Материалы съездов отражают развитие политической борьбы на Тереке, дискуссии по различным вопросам: земельному, военному, государственного устройства и прочим¹⁴. К сфере публичной политики относятся и сборники речей, статей, писем видных большевистских деятелей на Кавказе (Г.К. Орджоникидзе, С.Г. Шаумяна, П.А. Джапаридзе, А. Шерипова)¹⁵.

Ряд ценных мемуаров, в которых разносторонне показана ситуация на Кавказе в первый период Гражданской войны, а также место в ней Л.Ф. Бичерахова, оставили представители британской армии, за короткий срок превратившиеся из союзников в интервентов-агрессоров. Например, автор интересных и содержательных мемуаров британский генерал-майор Л. Денстервилль несколько месяцев очень тесно общался с Лазарем Бичераховым и оставил о нем множество красноречивых наблюдений. Нельзя не отметить и ряда ценных мемуаров других участников интервенции – британских офицеров полковника А. Роулисона, подполковников В.С. Остина, Дж. В. Уордена и др.¹⁶

Воспоминания советских участников Гражданской войны тоже, как правило, небезынтересны. Сложные взаимоотношения между руководством Бакинской коммуны и Бичераховым показаны в книге воспоминаний сына Степана Шаумяна Сурена, активного участника событий 1918 г.¹⁷

Однако в целом воспоминания советских партийно-государственных и военных деятелей о «бичераховщине» отличаются негативными оценками, умолчаниями и прямым искажением фактов. В любом случае личных впечатлений в таких работах было не много, да и не могло быть, поскольку бичераховцы и большевики в основном находились по разные стороны фронта. То время, когда они были заодно, – период Бакинской коммуны весной и летом 1918 г. – вспоминалось советскими авторами неохотно. Ведь в то время они предпочитали договариваться с этим «отъявленным врагом советской власти» и «английским наймитом», чем воевать с ним. Чаще всего можно встретить воспоминания о том, что Бичерахова «командировали» на Кавказ из Персии англичане, что он «выполнял прямые распоряжения» англичан и т. п. Самый главный «грех» Бичерахова подчеркивают и все советские мемуаристы: в критическую минуту он оставил бакинский фронт и «обрек на поражение» советский строй в важнейшем нефтедобывающем и нефтеперерабатывающем регионе молодой советской республики¹⁸.

Те авторы, которые не брали на себя ответственность открыто фальсифицировать исторические факты, предпочитали замалчивать скользкие для большевистской власти эпизоды, связанные с Бичераховым. Характерный пример – мемуары А.И. Микояна, бывшего комиссара бригады Бакинской Красной армии, соратника чрезвычайного комиссара СНК РСФСР по делам Кавказа С.Г. Шаумяна. У него Бичерахов появляется уже накануне крушения коммуны, только лишь затем, чтобы сразу же «исчезнуть», «подло обманув» коммунаров и «оголив наш правый фланг»¹⁹. Вся сложная, многоходовая история с приглашением Бакинским совнаркомом Бичерахова в Баку для обороны города от наступающих турок, переговоры с Лениным и Сталиным по этому поводу, самые лестные характеристики Бичерахову со стороны вождей коммуны опущены.

В постсоветский период, после открытия спецфондов библиотек, в научный оборот был вовлечен целый комплекс мемуаров и дневников, авторы которых при различных обстоятель-

ствах пересекались с Л.Ф. Бичераховым и его братом и оставили личные впечатления о них и их эпохе. Из сослуживцев Бичерахова кроме упомянутого Б.М. Кузнецова нужно отметить Б.В. Никитина, А.Г. Шкуро, Ф.И. Елисеева, К.Г. Кромияди, Н.Н. Лишина²⁰. Достаточно обширно число свидетелей деятельности Л.Ф. Бичерахова в Персии, Азербайджане, Дагестане и на Тереке²¹.

Отдельно следует сказать о воспоминаниях капитана русской армии В.А. Добрынина²². В составе отряда пограничников, не принявших, как и герой настоящей книги, революции, он в течение многих месяцев оборонял от всевозможных врагов небольшую хлебородную область на юге Бакинской губернии, населенную преимущественно русскими староверами, – Мугань. Взгляд Добрынина на события Гражданской войны предельно субъективен; крайний реакционер по своим политическим убеждениям, он ненавидит революционеров всех мастей и очень пристрастен в описании революционных будней Закавказья. Однако в интересующем нас вопросе – похождениях отряда Лазаря Бичерахова – Добрынин оказывается неожиданно хорошо осведомлен. Факты и даже мелкие детали, приводимые им, нередко подтверждаются архивным материалом. В то же время крайний субъективизм автора наложил свою печать и на облик Бичерахова, невероятные зигзаги судьбы которого представляются Добрынину дальновидным и хитроумным расчетом казачьего предводителя.

Ценные штрихи к портрету Л.Ф. Бичерахова содержатся в воспоминаниях полковника М. Джафарова. Воспоминания, написанные им в 1937 г., в заключении, незадолго до расстрела, обнародованы только недавно²³. Джафаров был офицером 1-го Дагестанского полка Российской армии, существовавшего в 1918 г. в значительной мере уже формально, но еще представлявшего собой некую вооруженную силу, которую старались привлечь на свою сторону многие. В силу этого Джафаров поддерживал тесные отношения фактически со всеми политическими силами в Дагестане – князем Н. Тарковским, представителями Социалистической группы, имамом Н. Гоцинским, представителями турецкого командования. В этом сугубо местном противостоянии «роль и значение появления отряда Бичерахова в Дагестане мне долго были непонятны, да и до сих пор неясны», признавался М. Джафаров²⁴. Джафарову пришлось много раз тесно общаться с Бичераховым (они были знакомы еще до Первой мировой войны), и воспоминания об этом он в подробностях передал в своих записках.

Очень интересное описание и редкое свидетельство «позднего» бичераховского периода, если можно так сказать, относящегося ко времени вторичной оккупации его войсками Баку в самом конце 1918 и начале 1919 г., и обстоятельств, вынудивших его покинуть свою армию и Россию, принадлежит перу генерал-майора (полковника царского производства) Г.Д. Ивицкого. Он стал первым после ухода бичераховцев из Порт-Петровска (нынешней Махачкалы) комендантом города и служил под началом генерала от инфантерии М.А. Пржевальского, который по настоянию английского командования принял руководство остатками бичераховцев. С самим Бичераховым Ивицкий встретился лишь однажды, но не мог не оказаться очарованным этим человеком и оставил о нем яркие замечания²⁵.

Нельзя не сказать и об оценке Бичерахова генерал-лейтенантом А.И. Деникиным, которую он дал в своих «Очерках русской смуты». Не будучи знакомым с Бичераховым лично, но настроенный к нему как к узурпатору и самозванцу, Деникин аккумулировал и транслировал лишь негативные оценки Бичерахова, базировавшиеся как на данных его разведки, так и искаженных сведениях и слухах, доходивших до Екатеринодара из бесконечно далеких в 1918 г. Баку и Петровска.

Чрезвычайный разброс мнений о Лазаре Бичерахове, огромный и разнородный массив документов, в подавляющем числе впервые вводимых в научный оборот, ставят перед автором сложную задачу написания взвешенной, объективной работы, опирающейся на анализ источников. Думается, решению этой задачи поможет широкий охват событий Гражданской войны,

установка на написание не просто портрета Л.Ф. Бичерахова, а «портрета в интерьере» – интерьере Истории.

Все даты в книге приведены по новому стилю.

Для удобства читателя работа снабжена комментированными документальными приложениями и научно-справочным аппаратом.

Осколок несуществующей армии

Лазарь Федорович Бичерахов относится к многочисленной плеяде казачьих генералов и старших офицеров осетинского происхождения. Хотя в составе Терского казачьего войска было лишь две осетинские станицы (Новоосетинская и Черноморская), благодаря льготам в чинопроизводстве, высочайше предоставленным казакам-осетинам еще в начале XIX в., осетинские офицеры всегда занимали заметное место среди терского казачества. Это способствовало культурному и языковому сближению русских и осетин. Большая часть казаков-осетин из Новоосетинской и Черноморской были крещеными. К началу Первой мировой войны из приблизительно 400 генералов и офицеров-терцев каждый четвертый был осетином по происхождению²⁶. Двенадцать уроженцев этих двух станиц дослужились до генеральских чинов (восемь из них, в числе которых и Л.Ф. Бичерахов², относились к генералам производства Гражданской войны).

Лазарь Федорович Бичерахов родился 15 ноября 1882 г., по одним данным – в родной станице, по другим – в Петербурге, где его отец служил в конвое его императорского величества. По обычаю императорского двора Лазарь был крестником вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В раннем детстве он сошелся со своим сверстником великим князем Михаилом Александровичем и его сестрой великой княгиней Ольгой Александровной и проводил лето с ними в Царском Селе.

Он был определен в интернат Санкт-Петербургского реального училища. В училище он считался хорошим товарищем и отличался большой физической силой, которой, впрочем, не злоупотреблял. В то же время в учебе большими успехами он не отличался.

² Сразу следует оговориться, что в мемуарной и исследовательской литературе существует большая разногласия по поводу военного чина Л.Ф. Бичерахова, виной чему является сам герой повествования и его совсем не прямолинейная военная судьба. Впрочем, для деятелей периода Гражданской войны это обычное явление. Бичерахов именуют «войсковым старшиной», «полковником» и, наконец, «генерал-майором». И то, и другое, и третье – верно. Последний чин Бичерахова в Российской армии – войсковой старшина (что соответствует армейскому подполковнику). Однако уже в период боев за Баку и дагестанского похода партизанского отряда Бичерахова (июль – сентябрь 1918 г.) он во всех документах уже подписывается полковником. Так же к нему обращаются подчиненные и сторонние лица. Дату и обстоятельства производства Бичерахова в полковники обнаружить не удалось. Офицер К.Г. Кромиади, с первого дня существования состоявший в отряде на командных должностях, сообщает, что Бичерахов был произведен в полковники не позднее конца июля 1917 г. – как только принял формирующийся из частей Кавказского корпуса партизанский отряд. Однако обстоятельств производства Кромиади не знает (*Кромиади К.Г. Последний рейд // Новый журнал (Нью-Йорк). 1968. Т. 90. С. 185*). В октябре 1918 г. Бичерахов признал власть Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории). Приказом Верховного главнокомандующего войсками Директории генерала В.Г. Болдырева № 37 от 16 ноября 1918 г. «за боевые заслуги по очищению Прикаспийского края от большевиков» он был произведен в генерал-майоры и назначен командующим русскими силами «в Прикаспийском крае и в освобожденном от большевиков прилегающем районе» (ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д 20. Л. 103). Всего через два дня Директория была свергнута, установилась диктатура адмирала А.В. Колчака, однако Верховный правитель подтвердил это производство. Официально о производстве Бичерахова в генералы было объявлено во второй половине декабря 1918 г. Однако в делопроизводственный оборот этот чин вошел раньше – с ноября 1918 г., когда из Омска поступили сведения о чинопроизводстве. Помимо всего прочего, в конце 1918 г. Л.Ф. Бичерахов был также удостоен чина генерал-майора британской армии и, таким образом, трижды был произведен в генерал-майоры. Следует оговориться, что относительно двух последних производств Бичерахова в генералы (Колчаком и англичанами) официального подтверждения найти не удалось, однако оба они многократно подтверждались самим Бичераховым, его окружением, русскими и британскими мемуаристами. К.Г. Кромиади, описывая события зимы 1918/19 г. в Баку, сообщает, что однажды «к Бичерахову прибыл посланник Уфимской Директории профессор Головин, который объявил Бичерахову поддержку со стороны Директории и производство его Директорией в генерал-лейтенанты» (*Кромиади К.Г. Указ. соч. Т. 91. С. 229*). Однако это событие не подтверждается более никаким источником. К тому же, если речь идет о генерал-лейтенанте Н.Н. Головине, то он в указанное время находился в Европе, представляя там антибольшевистские силы, а в Сибирь отправился в середине 1919 г., поступив на службу уже не Директории, а свергнувшему ее адмиралу Колчаку. Итак, Лазарь Бичерахов является генерал-майором производства периода Гражданской войны, получившим этот чин, очевидно, минуя официальное производство в полковники. Во избежание путаницы и излишнего усложнения повествования в дальнейшем автор следует указаниям первоисточников для указания чина героя этой книги: то есть до июля 1918 г. Бичерахов именуется войсковым старшиной, с июля по конец октября – полковником и с ноября 1918 г. – генерал-майором. Хотя, конечно, читатель должен иметь в виду указанные выше оговорки.

После этого Лазарь Бичерахов поступил в Московское (в последующем – Алексеевское) военное училище, основанное в 1864 г. и расположенное в Красных казармах в Лефортове. Это военно-учебное заведение дало Российской, а затем и Советской армии ряд ярких талантов – М.В. Алексеева, А.М. Василевского, Б.М. Шапошникова, А.Е. Снесарева, С.А. Пугачева, И.Е. Петрова..

Об отроческих годах Бичерахова сохранились лишь отрывочные сведения. Известно, например, что в военном училище у него было прозвище Бичи, что он увлекался борьбой на поясах – традиционным видом единоборства, популярным у тюркских народов. При выпуске из училища Бичерахов и его друзья дали друг другу клятву в том, «что если кто из нас выдвинется, то должен помочь, без всяких, другому»²⁷.

Училище Лазарь окончил по первому разряду. 22 апреля 1905 г. он был произведен в хорунжий³ и начал служить в 1-м Горско-Моздокском полку.

Судя по его автобиографической записке, он успел проучиться один год в университете²⁸. Но в каком, когда и на каком факультете – неизвестно. Так или иначе, окончательный выбор был сделан в пользу военной профессии.

В 1909–1912 гг. в составе 1-го Горско-Моздокского полка Л.Ф. Бичерахов участвовал в боевых действиях в Персии, где русские части, выделенные из состава Кубанского, Терского и Семиреченского казачьих войск, по договору с шахским правительством принимали участие в подавлении мятежников. Страна фактически находилась в состоянии анархии. Первоначально, до осени 1911 г., им приходилось действовать в основном против племен турок-шахсеван и туркмен-иомудов, с которыми не справлялась слабая армия персидского шаха. После этого мятежники совершили ряд нападений на русские отряды и консульства в Тавризе и Реште, на севере Персии. Теперь персидские проблемы в глазах царского правительства стали «нашим делом». В Персию на выручку казакам было отправлено более двух десятков гренадерских, пехотных и стрелковых полков, саперы и артиллерия²⁹.

С переменным успехом русские войска вели боевые действия до конца 1912 г., а фактически русские части оставались в Персии до начала Первой мировой войны, после чего начался новый этап оккупации страны.

Лазарь Бичерахов, сотник 1-го Горско-Моздокского полка, получил несколько боевых ранений и заслужил орден Святого Владимира 4-й степени. Казакам часто выпадала задача конвоирования российских консульских колонн. 27 октября 1911 г. сотник Бичерахов с двадцатью казаками, сопровождая в армию иеромонаха Григория, подвергся обстрелу не менее ста конных курдов. Бичерахов приказал казакам спешиться и рассыпаться в цепь. Пятеро казаков были отправлены в тыл курдам. Бичерахов был ранен в этом бою трижды – в обе ноги и в грудь навылет, – но оставался в сознании и продолжал командовать цепью через урядника до подхода подкрепления³⁰. После излечения Бичерахов остался инвалидом: одна рука стала сохнуть, кроме того, на одну ногу он остался хром.

Военная карьера Л. Бичерахова могла неожиданно оборваться: по возвращении в Россию он принял участие в драке, за что офицерским судом чести был уволен из армии на пенсию. По сведениям полковника Ф.И. Елисеева, причиной конфликта стало увлечение Бичерахова женой сослуживца-осетина, вследствие чего брак последнего распался³¹. Позднее, в марте 1916 г., Бичерахову было отказано в прикомандировании к 1-му Кубанскому полку как раз ввиду «исключения его из полка судом чести»³². Правда, Б.М. Кузнецов, находившийся в дружеских отношениях с Бичераховым, утверждает, что причиной увольнения, причем добровольного, стала его инвалидность³³.

³ Х о р у н ж и й – офицерский чин в казачьих войсках Русской императорской армии до 1917 г., соответствующий корнету в кавалерии и подпоручику в пехоте и артиллерии.

Так или иначе, увольнение состоялось 5 августа 1914 г. – уже после начала Первой мировой войны, поэтому менее чем через три недели Л.Ф. Бичерахов вновь оказался в рядах русской армии³⁴.

До мая 1915 г. он командовал сотней 2-го Горско-Моздокского полка, сражавшегося в Карпатах. После этого Л.Ф. Бичерахов состоял в распоряжении великого князя Михаила Александровича, стоявшего в тот период во главе Кавказской Туземной конной дивизии, более известной как Дикая дивизия.

5 января 1916 г. Бичерахов уже в чине войскового старшины был направлен на Кавказский фронт, где ему в июне 1917 г. было поручено сформировать отряд для самостоятельных рейдовых действий на коммуникациях противника, «ночных поисков, непрерывного тревожения тыла противника и добывания языков»³⁵. По традиции того времени, такой отряд именовался партизанским. Отряд входил в состав 1-го Кавказского (Экспедиционного) кавалерийского корпуса в Персии, северная часть которой по соглашению с британским командованием на Ближнем Востоке поздней осенью 1915 г. была оккупирована русскими войсками для предотвращения выступления персидского правительства на стороне центральных держав. Корпус под командованием генерала Н.Н. Баратова на момент его отправки в Персию в октябре 1915 г. состоял из 39 сотен казаков, двух батальонов пехоты, двух дружин ополчения и 20 орудий³⁶.

Формирование отряда было вызвано известиями о том, что весной 1917 г. за рекой Диала (левый приток Тигра), разделявшей зоны контроля русских и турок, появился 3-тысячный турецкий конный отряд (впоследствии оказалось, что это отряд персидской жандармерии на турецкой службе, руководимый германскими офицерами), за которым могли показаться и более крупные силы. Для корпуса Н.Н. Баратова, отрезанного от источников снабжения, не имеющего собственных средств и находившегося среди голодающих персов, столкновение с турками могло окончиться гибелью. Поэтому он решил пробиваться в направлении на Багдад на соединение с англичанами, где можно было рассчитывать стать на довольствие союзников. Англичанам целостность русского корпуса была не менее важна, поскольку он оттягивал с месопотамского фронта немалые силы турецкой армии³⁷.

Тактика партизанских действий по тылам противника небольших отрядов была достаточно широко распространена в годы Первой мировой войны. Правда, не все в Российской армии считали опыт их использования удачным, утверждали, что царская Ставка чрезмерно «увлекается партизанщиной». Наблюдавший на Юго-Западном фронте за действиями партизанского отряда есаула А.Г. Шкуро (Шкуры) генерал П.Н. Врангель составил о нем и о партизанской тактике в целом негативное впечатление: «Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями, туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготевшие почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе 18-го корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса генерала Крымова, был с участка корпуса отозван»³⁸.

Но в Персии, с ее огромными пространствами и отсутствием линии фронта, партизанские действия напрашивались сами собой. Предусмотрев сложность поддержания должного уровня дисциплины в рейдирующих, оторванных от основных войск отрядах, генерал Баратов предписал формировать отряды «из самых лучших и смелых казаков», а начальниками назначить «самых предприимчивых и отважных офицеров из числа желающих»³⁹. Для стимулирования храбрых поступков были назначены крупные денежные премии за каждого плененного неприятельского солдата и офицера, и это – «кроме заслуженной боевой награды – Георгиев-

ского креста или медали»⁴⁰. Отряд Бичерахова, как и несколько других, был сформирован уже в Персии из отборных полусотен от нескольких казачьих полков корпуса.

Обстановка в Персии в тот момент была сложной: шахское правительство практически не контролировало огромную территорию государства. Здесь промышляли десятки разнородных вооруженных группировок, соперничавших друг с другом и достаточно умело использовавшихся в своих интересах турками. В Персии также действовали регулярные турецкие войска и турецкая конница, укомплектованная курдами и персами.

В начале августа 1917 г. формирование отряда было завершено и после напутствия командира корпуса, пожелавшего его скорейшего возвращения, он выступил из города Керманшах навстречу невероятным приключениям, которые и послужили причиной появления этой книги. Численность отряда к этому времени достигала 30 офицеров и до 1000 казаков при орудиях, пулеметах и транспорте⁴¹, что значительно превышало штат обычного казачьего полка, приближаясь к бригаде. Совершив сложный переход по безводной гористой местности, отряд Бичерахова вышел к реке Диале в районе персидского города Касри-Ширин, где занял оба берега реки, ожидая неприятеля. Подошедшая к Диале персидская жандармерия не могла ни напиться, ни отправиться восвояси в пустыню на верную гибель. 25 октября, в день, когда в Петрограде бушевала революция, в Персии противнику ничего не оставалось, как сдаться на милость победителя. 2500 человек персидской жандармерии были последними пленными, взятыми русскими войсками во время Первой мировой войны⁴².

Таким образом, угроза Экспедиционному корпусу со стороны турецких войск была снята. Но теперь требовалось установить его прочную связь с англичанами. Отряд двинулся в направлении Мендели. Через несколько дней совершенно закончились продукты, на исходе была вода, поскольку казакам пришлось взять на довольствие и многочисленных пленных. Изможденным людям и лошадям приходилось преодолевать крутые горные хребты Южной Персии. Им «не было конца и стоило преодолеть один, как перед глазами вырастал другой», вспоминал К.Г. Кромиади⁴³.

Через неделю тяжелого похода, во время которого были и смертельные случаи от жажды и желтухи, отряд вышел на соединение с британским Индусским кавалерийским полком, который его уже ожидал. Англичане встретили союзников оркестром и дали в честь него парад войск⁴⁴. Логично, что отряд был немедленно зачислен на довольствие английской армии и к штабу отряда был прикомандирован английский офицер для связи – полковник Клатербек⁴⁵.

После отдыха отряд Бичерахова занял крайний правый фланг английских войск и из района города Кизил-Рабат повел совместное с союзниками наступление против турок. Только на участке наступления отряда удалось прорвать оборону турок, отбросить их к Диале, переправиться через реку и настичь отступавших у крепости Кара-Тепе. Однако, поддержанный лишь силами Индусского кавалерийского полка, бичераховский отряд отступил на английские позиции.

Этот бой произошел поздней осенью 1917 г., после чего наступило затишье. Отряд Бичерахова зимовал в лагере у города Шаропаны, развлекаясь лишь тем, что временами группы казаков и офицеров выезжали в сказочный для русского глаза Багдад.

Между тем связь со штабом Экспедиционного корпуса был прервана. Партизанские отряды – а их в корпусе было несколько – оказались предоставленными сами себе.

Автономность и свобода действий, которыми в течение длительного времени пользовались командиры отрядов в составе Экспедиционного корпуса, способствовали их дальнейшему выдвижению в последующем, в годы Гражданской войны. Самым известным из них стал А.Г. Шкуро, именовавший себя «белым партизаном». Правда, судьбы отрядов Шкуро и Бичерахова сложились различным образом. Шкуро вступил в Персию значительно позже, в мае 1917 г. Своим небольшим отрядом он успешно командовал еще на Юго-Западном фронте. Разложе-

ние войск русской армии шло уже полным ходом, и бравый вид кубанских сотен производил большое впечатление на местных жителей, уже привыкших «за последнее время видеть лишь банды буйных и недисциплинированных «товарищей» – так в то время именовали революционно настроенных солдат⁴⁶. Отряд Шкуро хорошо проявил себя на персидском фронте. По словам генерала Баратова, «небольшую численность он восполнял доблестью и отвагой», так что его 2,5 сотни «заменили целый 6-сотенный полк»⁴⁷.

Но революционные события 1917 г. не оставили в стороне ни отряд, ни его командира. Поздней осенью 1917 г. А.Г. Шкуро отправился делегатом на Кубанскую Радугу и, возвратившись, застал свой отряд не в столь блестящем состоянии: казаки «немного разболтались», в прикомандированных к отряду армейских командах шло брожение⁴⁸. А в рождественскую ночь Шкуро был тяжело ранен кем-то из революционно настроенных солдат, надолго потерял связь со своими казаками, которые постепенно разбрелись по домам. Возвращался Шкуро на Северный Кавказ в начале 1918 г. из иранского порта Энзели одетым в персидский халат, с выкрашенными волосами и поддельным паспортом⁴⁹. Уже дома, в верховьях Кубани, по свидетельству современников, он «скитался по полям, ночуя по кочевкам и пасакам, как и все такие люди, питался тем, что удавалось выпросить у казаков, и компанию ему составил всего лишь один кубанец, да и тот безоружный»⁵⁰.

Оптимизм вернулся к Шкуро, жившему на нелегальном положении в Кисловодске, много позже, когда окрепла и стала на ноги Добровольческая армия.

В бичераховском отряде все было по-другому. Командир отряда ни на минуту не покидал его, скрепляя и цементируя своей волей воинский коллектив. А 28 ноября 1917 г., уже после издания первых декретов советской власти и объявления перемирия с Германией, Бичерахов направил генералу Баратову телеграмму: «Я решил: 1) остаться на фронте; 2) продолжать воевать; 3) не участвовать в перемирии; 4) считать все переговоры предательскими... Это решение мое, и я один отвечаю за него перед Россией». На этой телеграмме Баратов оставил надпись: «Молодец, Бичерахов!»⁵¹

В декабре 1917 г. генерал Баратов вызвал к себе Бичерахова. На английском аэроплане он вылетел в Хамадан. Через две недели он прилетел, по воспоминаниям К.Г. Кромияди, «в самом мрачном настроении»⁵². Собрав отряд, он заявил, что по приказу командира корпуса отряд должен вернуться домой. Оказывается, к моменту приезда Бичерахова части корпуса уже начали эвакуацию из Персии. То же происходило и на других фронтах. Распропагандированные солдаты уходили домой.

Конечно, его отряда тоже коснулась революционная волна. Первоначально в отряде был организован комитет, сфера деятельности которого, однако, была ограничена хозяйственными вопросами⁵³. Одновременно стала резко падать дисциплина. Непосредственно наблюдавший отряд в эти дни морской офицер Н.Н. Лишин отмечал: «Это была русская часть, в достаточной мере подходившая под понятие дикой вольницы. На регулярную воинскую часть они не походили. Кое-какая дисциплина у них была, так сказать, революционного порядка. Мы, несколько сторонились всей этой дикой вольницы, красочных, с умыслом неоднородных нарядов, пьяного дебоширства и нарочитого отсутствия скромности, в которой воспитывается морская братия...»⁵⁴

Большинство казаков приняли революцию именно как вольницу, вседозволенность, возможность стать равными офицерам, поэтому собственно революционная, социальная пропаганда не оставляла в их сознании серьезного следа. Попытки большевистских агитаторов выяснить их взгляды на советскую власть терпели крах «благодаря отсутствию таковых». «Отряд безнадежно не мыслит», – заключал большевик из Баку С. Буданцев⁵⁵. Другой опытный агитатор, пытавшийся «расколоть его отряд», в казачьи казармы проникнуть смог и сумел даже, как

ему показалось, «кое-чего» добиться, но на третий вечер был предупрежден, что его убьют, если он еще раз появится⁵⁶. Красноармейцев бичераховцы презирали за их неприглядный внешний вид, называли их «красными индусами», «считая себя в положении англичан» по отношению к ним⁵⁷.

В то же время отряд Бичерахова оставался вполне боеспособной единицей. Тот же Лишин признавал, что первые его впечатления о бичераховцах оказались ошибочными: «Впоследствии этот отряд, несмотря на все его недостатки, зарекомендовал себя в боевом отношении довольно хорошо, и в действиях дисциплина была хорошая»⁵⁸. Английский генерал Л. Денстервилль, в ближайшем будущем тесно связавший свою судьбу с бичераховцами, писал о них: «Его часть была единственной имевшей еще какое-то уважение к закону и порядку»⁵⁹. Генерал Г.Д. Ивицкий, в свою очередь, отмечал феномен бичераховского отряда: «Его войска представляли собой типичную вольницу, послушную своему вождю в битвах, но в мирной обстановке... надо было особенное умение, чтобы вольница окончательно не распоясалась»⁶⁰.

Таковыми качествами Лазарь Бичерахов, несомненно, обладал. Заслуга того, что отряд сохранил боеспособность, принадлежит исключительно ему. Храбрый боевой офицер, экзальтированная, харизматичная личность, инвалид, опиравшийся на трость, служившую ему и оружием в бою, Бичерахов обладал огромным авторитетом среди своих казаков. «Преданность Бичерахову, в особенности среди офицеров, граничит со своеобразным обожанием, вызванным личной храбростью Бичерахова...» – писал один из свидетелей⁶¹. Генерал Г.Д. Ивицкий так описал этого «во всех отношениях колоритного человека»: «Передо мной был очень молодой генерал с веселым взглядом, в котором отражалась какая-то уверенность и отвага. Бичерахов был среднего роста. Фигура сухая и подвижная...»⁶² Ивицкий отмечает увечье Бичерахова: «Сухожилия пальцев правой руки попорчены в боях, и генерал подавал левую руку»⁶³. Другие свидетели отмечали комичную манеру почти всех офицеров отряда ходить опираясь на палку и подавать для приветствия левую руку, как это делал командир⁶⁴.

В начале исследования следует также сказать несколько слов и о другом человеке, пережившем с Лазарем Бичераховым все его военные приключения вначале в Персии, а затем и на просторах пылающей Родины, но по характеру его должности остававшимся в основном в тени. Это – неизменный начальник штаба, «мозг» партизанского отряда, а затем и организованной Бичераховым Кавказской армии Алексей Евгеньевич Мартынов. Мартынов был младше Бичерахова и по возрасту, и по званию, однако успел еще до войны получить хорошее образование. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908 г.). Служил в 4-м Уральском казачьем полку. В 1913 г. поступил в Николаевскую императорскую военную академию (Академию Генерального штаба). В 1914 г. был переведен на старший курс академии, но разразилась война. В связи с объявлением мобилизации Мартынов был откомандирован в свой полк. За боевые отличия был награжден Георгиевским оружием. В 1917 г. Мартынов продолжил обучение в академии. Окончил старший класс по первому разряду ускоренных курсов и был произведен в капитаны. В июне 1917 г. он был причислен к Генеральному штабу, в сентябре 1917 г. переведен в Генеральный штаб, после чего получил должность старшего адъютанта штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии⁶⁵, а вскоре был переведен в 1-й Кавказский кавалерийский корпус. По воспоминаниям современников, Мартынов отличался уравновешенным характером и хладнокровием, что выгодно отличало его от его непосредственного начальника Л.Ф. Бичерахова – человека горячего и вспыльчивого. Профессионально Мартынов был подготовлен гораздо лучше своего начальника, признавшегося однажды, что он «простой рядовой офицер армии» и «по своей специальности – и то мало обучен»⁶⁶.

Ничья земля

Весной 1918 г. отряд Бичерахова еще подчинялся штабу Экспедиционного корпуса в Хамадане, являясь, по существу, единственной организованной единицей в его составе. Британский генерал Денстервилль, побывавший в Хамадане в конце февраля 1918 г., констатировал, что генералу Баратову и его начальнику штаба генералу Ласточкину оставалось только «глубоко сочувствовать», поскольку войска их все более разлагались и «виды на восстановление дисциплины были весьма проблематичны»⁶⁷. Хамадан, по его словам, был переполнен русскими, которые из праздности ночами непрерывно палили в воздух. Англичанами это воспринималось как выражение «русского веселья», «хотя это звучало как жестокий бой в самом разгаре»⁶⁸. Закрытие перевалов из-за необычно сильных снегопадов в начале марта 1918 г. задержало эвакуацию русских войск. Она продолжилась только в середине марта. Замыкать колонну и обеспечивать эвакуацию имущества было поручено отряду Бичерахова. Перезимовав в расположении английских войск, отряд отправился в обратный поход через Ханикен, Миантагское ущелье, Керинд, Керманшах, куда прибыл в конце февраля 1918 г. и где задержался надолго.

Между тем положение английских войск на Ближнем Востоке в связи с революцией в России и крушением Кавказского фронта ухудшилось. Теоретически для центральных держав открылся путь в британские индийские владения по линии Баку – Красноводск – Ташкент. Многие в британском Военном кабинете были обеспокоены сложившейся ситуацией и искали выхода, которого, казалось, не было: в Северной Персии, которая могла послужить воротами для вражеского вторжения, англичане не имели ни одного солдата. В довершение ко всем бедам, считалось, что немецким агентам удастся вооружить и организовать 100-тысячный корпус австрийских и немецких военнопленных, содержащихся в русском плену в Туркестане (по русским сведениям, таковых на 1 сентября

1917 г. числилось в Кавказском военном округе 80 тыс. человек, в Туркестанском военном округе – 41,2 тыс. человек⁶⁹). «Положение было почти безнадежным», – констатировал британский бригадный генерал сэр Перси Сайкс в своих воспоминаниях⁷⁰.

Конечно, во всем этом была большая доля лукавства. Были и те, кто считал возможность марша германцев и турок через Кавказ и Среднюю Азию в Индию плодом «слишком живого воображения» некоторых представителей британского Военного кабинета⁷¹. Как замечал британский министр иностранных дел А. Бальфур, «каждый раз, участвуя в обсуждении этого вопроса с интервалом, скажем, в 5 лет, – узнаю, что появляется новая территория, которую мы должны охранять, т. к. предполагается, что она защищает подступы к Индии. Эти подступы уходят все дальше и дальше от Индии, и я не представляю себе, как далеко на запад они будут отнесены Генеральным штабом»⁷². Военный министр А. Милнер, в свою очередь, в одной из служебных телеграмм в июле 1918 г. оценивал германо-турецкую угрозу достаточно призрачной «в течение длительного времени»⁷³.

Впрочем, и те, кто не видел для Индии никакой опасности, вовсе не считали, что на Ближнем Востоке и Кавказе ничего предпринимать не нужно. Крушение России открывало для Великобритании (как и для ее противников) невероятные перспективы овладения самым богатым на тот момент нефтеносным районом с самой развитой в мире добывающей и перерабатывающей промышленностью. В рекордный для Бакинского региона 1916 г. отсюда было вывезено 408,8 млн пудов нефтепродуктов всех видов⁷⁴. Владея бакинской нефтью, англичане рассчитывали «занять ключевые позиции в экономике России», какой бы общественный строй в результате гражданской войны там ни победил⁷⁵.

В военно-стратегическом плане Великобритания придавала первостепенное значение установлению своего господства над Каспием, который служил бы прикрытием ее завоеваний в Месопотамии, опорным пунктом для контроля над Кавказом, Персией, Средней Азией, отрезал бы Баку от России. Великобритания имела в виду надолго закрепиться на Каспии. В телеграмме Милнера от 28 июня 1918 г. в Багдад, командованию английских войск в Месопотамии, подчеркивалось: «Правительство е. в. придает... важное значение овладению постоянным контролем над Каспием». Великобритания намеревалась превратить в свои военно-морские базы персидский порт Энзели и закаспийский Красноводск. Последний рассматривался ею как ворота в Туркестан и Среднюю Азию. В телеграмме Военного министерства Денстервиллю от 14 августа 1918 г. выделялась задача «постоянной оккупации Красноводска»⁷⁶.

Чтобы формулировать и проводить политику на «новых» для Британской империи землях, в конце марта 1918 г., по настоянию военного министра А. Милнера, при военном кабинете был образован Восточный комитет, который стал координирующим центром всей военной и политической деятельности Англии в огромном районе, охватывавшем Ближний и Средний Восток, Кавказ и Среднюю Азию. Состав Восточного комитета варьировался, но почти неизменно в его заседаниях участвовали председатель тайного совета Д. Керзон, министр иностранных дел А. Бальфур, его заместитель лорд Сесиль, начальник имперского Генштаба Г. Вильсон, начальник военной разведки генерал-майор Дж. Макдонэ и др. Председателем комитета стал Д. Керзон⁷⁷.

Одна проблема стояла на пути осуществления столь грандиозных планов стратегического масштаба: у англичан не было войск, чтобы совершить дерзкие походы на ставшие «бесхозными» бывшие внутренние колонии Российской империи. Добыча лежала у ног Англии, но взять ее не было сил.

Еще до создания Восточного комитета, в декабре 1917 г., было решено снарядить несколько немногочисленных экспедиций на Кавказ и в Среднюю Азию для выяснения обстановки на месте, а также, по возможности, оккупации территорий бывшей Российской империи. Экспедиции имели большой запас денежных средств, чтобы в случае удачи набрать «туземных» войск и хотя бы так решить проблему оккупации. Непосредственное осуществление интервенции в Закавказье и Туркестане возлагалось на отряд генерала Денстервилля, который получил задание «следовать по маршруту Багдад – Баку – Бухара»⁷⁸, и на отряд генерала У. Маллесона, следовавшего в Мешхед для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию.

Фигура руководителя кавказской экспедиции генерал-майора Лайонела Чарльза Денстервилля весьма любопытна, она в чем-то схожа с Л. Бичераховым. Большая часть военной службы Денстервилля прошла в имперских колониях. В годы Первой мировой войны он служил в Индии и лишь на ее исходе, в конце 1917 г., был переведен в Персию с присвоением генеральского чина. Здесь этот «очень способный солдат»⁷⁹ смог дать выход кипучей энергии, оставшись в истории британских вооруженных сил генералом, которому довелось воевать на одном из самых экзотических театров военных действий Первой мировой войны и в очень необычных условиях.

По свидетельствам сослуживцев Денстервилля, он был «на редкость способным лингвистом». «О нем рассказывают, – сообщал британский генерал Ф. Дж. Ф. Френч, – как на одном из многих митингов, на котором он обращался с речью к местной знати, он говорил последовательно на четырех различных языках»⁸⁰. Прежде он бывал в России, и английские современники (в частности, командующий английскими войсками в Месопотамии генерал Маршалл) настаивали на том, что Денстервилль обладал «прекрасным знанием как самих русских, так и русского языка»; «по-русски говорил бегло»⁸¹ (генерал Френч). Впрочем, степень владения его русским языком могла быть и преувеличена его коллегами. По крайней мере, не раз общав-

шийся с ним лично русский офицер Н.Н. Лишин сообщал, что Денстервилль лишь «немного понимал русский язык»⁸².

Так или иначе, к языковым способностям следует прибавить недюжинное личное обаяние, дипломатический дар и особую сибаритскую манеру поведения, выработанную за годы восточной службы. Денстервилль умел и любил «производить впечатление», держал себя как «знатный господин»⁸³, быстро нашел подход к чувствительной к лести персидской аристократии, «расточая дары своего красноречия перед представителями знатных персидских родов, стараясь убедить этих последних в том, что приход англичан в Персию вполне соответствует их интересам»⁸⁴.

Аристократизм с авантюрным оттенком проявлялся и в отношении Денстервилля к собственным офицерам. Бригадный генерал Перси Сайкс, которому также довелось оказаться в 1918 г. в Персии, вспоминал, что Денстервилль своей властью произвел в контр-адмиралы руководителя английской флотилии на Каспии commodora Дэвида Норриса, несмотря на справедливое сопротивление последнего⁸⁵. Авантюрная жилка – одна из главных черт характера Денстервилля, которая была присуща ему всю жизнь. Не случайно Денстервилль стал прообразом героя одного из лучших романов его однокашника Редьярда Киплинга «Старки и компания», в котором Старки – хулиган и хитрец⁸⁶. Возможно, это способствовало его сближению с Бичераховым.

Надо отметить, что офицеры, включенные в состав отряда Денстервилля, а среди них оказались не только англичане, но и жители отдаленных провинций Британской империи – канадцы, южноафриканцы, австралийцы и даже новозеландцы, – были под стать своему командиру. Многие из них прибыли с Западного фронта в поисках новых ощущений, их «сладко манил риск неизвестного»⁸⁷.

Первое свое предприятие Денстервилль начал, самонадеянно рассчитывая только на собственные силы. «Генерал Денстервилль решился на дерзкую авантюру: проследовать с миссией в Тифлис – столицу Кавказа, для того чтобы объединить армян, казаков и лояльных русских против наступления турок», – вспоминал П. Сайкс⁸⁸. Нужно отметить, что генерал Маршалл был категорически против как продвижения на север Персии, так и проникновения в Закавказье. Однако особая миссия Денстервилля была инициирована и контролировалась Восточным комитетом Военного кабинета и финансировалась отдельно от прочих расходов британских войск на Ближнем Востоке. Маршаллу оставалось только пассивно следить за редкими донесениями о передвижениях Денстервилля⁸⁹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.